

Юлий Айхенвальд

Анна Ахматова



Юлий Айхенвальд

Анна Ахматова

«Public Domain»

1913

Айхенвальд Ю. И.

Анна Ахматова / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain»,
1913 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-13376-1

«„Четками“ назвала Анна Ахматова свой известный сборник; и это правильно, потому что в ее поэзии много молитвенности и стихи ее – четки, или амулеты, которые должны бы охранять ее от нечистой, от злой силы (в нее она верит), но которые не уберегли ее от навождения любви. И про любовь свою, злополучную и неутоленную, рассказывает она миру. Очень интимен дневник ее творчества, но эта интимность интересна: она вышла за пределы личной исповеди, так как вообще все то, что по-настоящему и до дна лично, тем самым и общественно; субъективное, совершая свой кругооборот, возвращается к объективному. Анна Ахматова любит свое имя, „сладчайшее для губ людских и слуха“, и своей поэзией она заставила полюбить его и других. Она явила образ женской души, которая приняла любовь как отраву, недуг и удушье...»

ISBN 978-5-457-13376-1

© Айхенвальд Ю. И., 1913

© Public Domain, 1913

Юлий Исаевич Айхенвальд Анна Ахматова

«Четками» назвала Анна Ахматова свой известный сборник; и это правильно, потому что в ее поэзии много молитвенности и стихи ее – четки, или амулеты, которые должны бы охранять ее от нечистой, от злой силы (в нее она верит), но которые не уберегли ее от навождения любви. И про любовь свою, злополучную и неутоленную, рассказывает она миру. Очень интимен дневник ее творчества, но эта интимность интересна: она вышла за пределы личной исповеди, так как вообще все то, что по-настоящему и до дна лично, тем самым и общественно; субъективное, совершая свой кругооборот, возвращается к объективному. Анна Ахматова любит свое имя, «сладчайшее для губ людских и слуха», и своей поэзией она заставила полюбить его и других. Она явила образ женской души, которая приняла любовь как отраву, недуг и удушье. Перед нами – страдальца любви; и оттого «словно тронуты черной, густою тушью тяжелые веки» ее. В этой жертвенной любви, которая не ликованием и радостью, а надгробным камнем легла на жизнь, в этой любви на погосте, «всего непременно – полынь». Что же удивительного, если сама Ахматова признает свой голос незвонким? Грустный голос ее, действительно, незвонкий, но он – такого чарующего тембра, какого никогда еще не слыхала из уст своих поэтесс русская литература. И если писать о стихах всегда значит переписывать стихи, то это особенно применимо к ней, автору «Вечера» и «Подорожника»: так задушевно и проникновенны интонации ее не книжной, чистой русской речи, что хочется только слушать и слушать «стихов ее белую стаю», а не говорить о ней языком нашей охлаждающей прозы. К тому же трудно уловить и формулировать особенности ее стихотворений, их своеобразную ритмику и композицию – эти неожиданные, но убедительные, эти не логические, но тонко психологические переходы от слов настроения к словам описания, от души к природе, от факта к чувству, эти волнующие ассоциации, которыми она навсегда – и для себя, и для читателей – связала свои душевные состояния с какой-нибудь выразительной подробностью пейзажа, обстановки, быта, с какой-нибудь характерной деталью пережитого явления. Она искусно подбирает другим незаметные признаки соответственного момента, она «замечает все, как новое», так что внутренний мир ее не просто обрамляется внешним, а сходятся они воедино, в одну слитную и органическую целостность жизни. Легкий жест, движение, та или другая наружная примета лучше всяких излияний обрисовывает ее душу. Разве, например, вся горькая растерянность и смущенность последней встречи не сказываются в этом штрихе: «я на правую руку надела перчатку с левой руки»? И в контексте стихотворения, где звучит осенний мотив:

Память о солнце в сердце слабеет,
Желтей трава;
Ветер снежинками ранними веет
Едва, едва —

разве пуст, разве не заполнен эмоциональным содержанием переход или промежуток между первыми двумя и последними двумя стихами вот в этой строфе:

Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой?

И разве мы не чувствуем, какая симпатическая связь ощущений и вещей породнила между собой следующие строки:

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем?

Общую картину тоски здесь неизбежно дополняет и мертвенно освещает равнодушная желтизна свечей, и нельзя их не заметить и не запомнить. Ибо вещи вмешиваются в душу. И так как внешняя предметность, конкретные очертания, фактическое окружение вообще нужны Ахматовой, то это и вносит в ее лирику начало эпоса, не дает последней расплыться в марево, сообщает ей желанную устойчивость и реальность. Такой манерой лирического рассказа, сплетающего осязательные нити с бесплотными, такую системой поистине тонких намеков и сближений осуществляет поэтесса теплую жизненность своих созданий, и по нежным, синим венам ее лиризма начинает струиться ощутимая кровь. Конечно, на первый взгляд может показаться, что только внешне связаны у нее строки о чувстве со строками о чем-то постороннем; но очень скоро этот возможный скептицизм читателя рассеивается, и познаешь, что, согласно Гете, внешнее и внутреннее у нее – одно, что постороннего у ней нет; она убеждает в своей искренности, и веришь, что не случайны устанавливаемые ее стихами связи явлений, что природа для нее не декорация, что все слова ее и обо всем пронизаны единством настроения. Ее стихи – ее жизнь. Ни один из них не написан зря, и все они, тоже как бы по завету Гете, созданы по поводу действительного случая из внешней или внутренней, т. е. единой, биографии.

Это пленительно. Но и сама пленительница находится в плену у некоего царевича, у сероглазого короля, у того, кто взял ее сердце, но не отдал надолго своего. И с тех пор она больна любовью и от любви. Но от боли и не зарекается она: «Слава тебе, безысходная боль!» Ей нужна мука, трудно представить себе ее счастливой, у нее нет таланта счастливости —

Я не плачу, я не жалуюсь,
Мне счастливой не бывать,
Не целуй меня усталую, —
Смерть придет поцеловать.

Даже общедоступное счастье сна мало ведомо ей, поэтессе бессонницы, этой верной «сиделки» ее ночей. У нее душа – вдова. И она хочет быть прирученной, покоренной, и неспроста читаем мы в одном ее стихотворении: «Муж хлестал меня узорчатым, вдвое сложенным ремнем», и в другом стихотворении героиня – рабыня,

И висит на стенке плеть,
Чтобы песен мне не петь.

«Как соломинкой», пьют ее душу, но она пытки мольбой не нарушит и только просит: «Когда кончишь, скажи». Беззаветна, отреченна, смиренна ее любовь, но сосредоточенно страстна – «и если б знал ты, как сейчас мне любы твои сухие розовые губы»; и «десять лет замираний и криков, все свои бессонные ночи» умеет она вложить в одно любовное слово. Однако бывают исключительные минуты у этой женщины, которая «от любви его загадочной, как от боли, в крик кричит, стала желтой и припадочной, еле ноги волочит», которая так страшно говорит ему

Новых песен не насвистывай,
Песней долго ль обмануть?
Но когти, когти неистовей
Мне чахоточную грудь.
Чтобы кровь из горла хлынула
Поскорее на постель,
Чтобы смерть из сердца вынула
Навсегда проклятый хмель, —

бывают у нее минуты, когда общая смиренность ее отходит вдаль и сменяется реакцией безудержного и буйного протеста. Вот спокойно, в тонах отречения, говорит она о себе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.